

чем, это начало обнимает всего строк 20 печатных изданий; вполне вероятно предположение Истрина, что второй перевод (и именно содержащийся в Синод. списке) изготовлен был вследствие утраты листа в одном из экземпляров первого перевода.

Обратившись к летописным отрывкам, Истрин указал на близость первого отрывка к тексту первого перевода, следовательно, древнего болгарского перевода. Но анализ второго отрывка обнаружил в нем при общей близости к этому же первому переводу несколько чтений, общих со вторым болгарским переводом, возникшим, по его мнению, в XIII—XIV в. (ср. стр. 143—145, 156, 174). Эти общие со вторым переводом черты летописного текста Истрин не решился возвести ко второму переводу. «Таким образом, — заключает он свои замечания о летописных отрывках, — вывод будет тот, что летописец имел у себя текст первого перевода, но зависели ли его поправки и изменения от других источников, или же совпадения были только случайны — остается неизвестным. То обстоятельство, что Откровение Мефодия было уже у летописца, приводит к выводу, что первый перевод в начале XII в. существовал уже у нас на Руси. Что касается кажущегося пользования вторым переводом, то тут еще затруднение является в том, что второй перевод по некоторым основаниям, как увидим далее, нельзя с достоверностью возводить к такому времени, чтобы летописец мог им воспользоваться». Однако утверждению Истрина о кажущемся пользовании вторым переводом противоречат как будто сделанные им самим выше указания: чтению летописи «и створиша врата мѣдная» во втором переводе соответствует «и створи врата мѣдна» (*καὶ κατεσκεύασε πύλας χαλκᾶς*), между тем как в первом переводе «и оковаше врата желѣзныи». Едва ли совпадение летописи со вторым переводом в приведенном чтении могло произойти случайно. В 1911 г. в Русск. Филолог. Вестнике (№ 1, стр. 81 и сл.) появилась статья П. И. Потапова «К вопросу о литературном составе летописи». Изложив приведенные выводы В. М. Истрина и коснувшись вопроса о совпадении летописного текста то с первым, то со вторым переводом, Потапов указал на то, что для правильного суждения об отношении летописи к тексту Мефодия Патарского нужно было бы восстановить древнейший русский текст Откровения, не ограничивая своего внимания позднейшими южнославянскими и русскими списками. Потаповым приведены основания в пользу того, что в русских древнейших списках текст Откровения читался несколько иначе, чем в дошедших до нас русских списках; а именно он показал, что текст интерполированной редакции, составленной по исследованию В. М. Истрина в XV в. по первому переводу, содержит несколько чтений более близких к летописным отрывкам, чем чтения дошедших до нас списков первого и второго переводов. Этим важным указанием П. И. Потапова я воспользуюсь в дальнейшем анализе летописного текста.

Предположение названного исследователя о том, что текст Откровения, бывший в распоряжении летописца, мог отличаться от дошедших до нас списков первого перевода, находит себе подтверждение в том обстоятельстве, что до нас дошел список особого, несомненно, древнего перевода,